

И.В. Можейко

С крестом и мушкетом

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М74

М74 **Можейко И.В.**
С крестом и мушкетом / И.В. Можейко – М.: Книга по Требованию, 2024. – 141 с.

ISBN 978-5-458-31117-5

О становлении и крушении колониальной империи Португалии в Азии, борьбе за пряности между английской и голландской Ост-Индскими компаниями. Об европейских авантюристах, создавших собственные королевства.

ISBN 978-5-458-31117-5

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

необычайно высоко: ведь пока грузы доходили из Индии до Египта, они облагались такими пошлинами, которые повышали цену на товары в несколько раз.

В погоне за товарами, в погоне за наживой Европа, которой овладела в XV веке «всеобщая жажда денег», обратилась к поискам новых путей на Восток. Новый путь лежал через Атлантический океан. Открыли его португальцы.

История Португалии как самостоятельного государства началась в 1095 году, в эпоху Реконквисты, и это наложило отпечаток на ее дальнейшую историю. Обожженная каменистая земля давала немного, но и за нее нужно было бороться с «маврами» и берберами. Сменяли друг друга поколения — войны с неверными продолжались. В этих войнах сложился характер фидалгу — мелких и средних дворян, профессиональных воинов, храбрых, жестоких и фанатичных. Едва ли не раньше, чем в других странах Европы, возникла в Португалии сильная королевская власть.

Завершена Реконкиста в Португалии была намного раньше, чем в соседней Кастилии: уже в 1249 году португальцы освободили южную область Алгарви от арабо-берберских пришельцев.

Невозможность выколотить деньги из нищего крестьянина, долголетние традиции войн с «маврами», страсть к обогащению — все это толкало дворян и опиравшихся на них королей к поискам добычи за морем.

Дорога в Средиземное море была перекрыта венецианцами, генуэзцами и каталонцами, на северных путях царил могущественная Ганза. Оставался лишь путь в Атлантический океан. По этому пути и двинулись португальские мореплаватели и конкистадоры, для которых походы за золотом, пряностями и рабами были как бы продолжением Реконквисты, ибо и здесь им противостояли те же «мавры», борьба с которыми становилась теперь не только богоугодным, но и выгодным делом.

Нужно было много мужества, чтобы решиться на плавание по неведомым морям, о которых рассказывали самое невероятное (и, может быть, потому легко принимаемое на веру в Европе того времени): здесь были и рассказы о чудовищных осьминогах, и о смерчах, ломавших борта кораблей, и о загадочном морском епископе, появлявшемся из волн со светящейся митрой на голове, и о каннибалах...

Но говорили и о сказочных островах Бразил и Антил, где растут драгоценные деревья, где много пряностей, где гигантские муравьи перетаскивают золотые слитки. Говорили и о царстве загадочного пресвитера Иоанна в Африке — христианского государя, который поможет своим братьям по вере в борьбе с язычниками и откроет им богатства своей страны.

Неведомый Европе мир начинался сразу за мусульманскими странами Северной Африки и Восточного Средиземноморья. Те немногие европейские путешественники, которым удавалось побывать в Индии и еще дальше — в Юго-Восточной Азии и Китае, рассказывали об этих странах такое, чему в Европе верили подчас меньше, чем легендам о гигантских муравьях или грифонах, стерегущих сокровища.

В свидетельствах венецианцев Марко Поло и Николо ди Конти, генуэзца Иеронимо ди Санто-Стефано, флорентийца Иоанна Мариньоли, францисканских монахов Иоанна Монте Корвино и Одорика Порденоне привлекали не рассказы о чудесной природе «индийских стран», о том, что на

Суматре «есть чудо великое, а именно пигмеи ростом с трех- или четырехлетнего младенца, и все они косматы, словно козлы», а на Яве «с великим удовольствием едят белых жирных людей». Гораздо интереснее было узнавать, что на границах Китая живут «златозубые», поблизости от страны которых находится город Мяннь, а в нем две башни: одна крытая золотом, другая — серебром, что на Яве полным-полно перца, мускатных орехов и гвоздики, что остров Тапробана (Цейлон) богат перцем, золотом и камфарой, Ява — рубинами, а на Суматре в изобилии растет перец, имеется шелк, бензойная смола.

Интересно и то, что от Аравии до Китая на всем протяжении великого азиатского морского пути стоят портовые города: Аден, окруженный кольцом тяжелых стен с башнями из известняка и камня, Ормуз, приютившийся на каменистом острове, куда воду возили с материка, Каликут с его храмами, окруженными рощами кокосовых пальм, Малакка с гаванью, недоступной для самых свирепых штормов, Пиди на Суматре, где сразу за гаванью начинаются верфи...

Запахи сандалового дерева и пальмового масла, пряностей и камфары, несмолкающий шум на улицах, дым жаровен... Города эти оглушали первых европейских пришельцев своей непохожестью на привычные Лиссабон и Геную.

Но главное — поражало изобилие товаров, товаров редких, о которых в Европе многие знали лишь понаслышке. Глаза разбегались от обилия кораблей, красочной толпы на пристанях и набережных. От Адена до Китая непрерывным потоком шли товары.

С больших желтых джонок, на носу которых были нарисованы широко раскрытые глаза, сгружали в Каликуте, Малакке, Демахе шелк, фарфор, чай, изделия из лака; быстроходные прау бугов и яванцев везли в Малакку очищенный мускатный орех и его шелуху с островов Банда, гвоздику — с Молукк, рис, острые крисы с Явы. Шли легкие арабские парусники из Каликута, Каннанура и Камбея в Ормуз и Аден с грузом Тканей, стеклянного бисера, камбейских бус, сердолика всех цветов, пряностей, рубинов, янтаря, а навстречу им из Адена везли коней, розовую воду, изюм...

Большинство товаров шло в приморские города из внутренних районов государств, из которых многие в XV веке пришли в упадок под натиском соседей и в результате внутренних неурядиц.

Приближался конец некогда могущественной южноиндийской империи Виджаянагар. Мусульманские государства Декана и Гуджарата уже отделились от Делийского султаната, а в конце XV века распалось на пять султанатов и государство Бахманидов в Индии.

Доживал последние дни Маджапахит на Яве — от него отделилось все северное побережье острова.

Ничто не напоминало в середине XV века в маленьком царстве Камбоджа о блестящем периоде Ангкора.

В этих условиях большинство правителей прибрежных и внутренних государств не сумели разобраться в истинных намерениях европейских пришельцев: многие из них увидели в присутствии чужеземцев возможность для сведения счетов со своими соперниками.

Много событий, значительных и мелких, произошло в 1415 году в

Европе. Констанцкий собор низложил папу Иоанна XXIII и постановил сечь еретика Гуса, в битве при Азенкуре английские лучники-йомены уничтожили французскую рыцарскую конницу...

Не прошел для христианского мира незамеченным и день 21 августа того года. В этот день сыновья португальского короля Жуана I, победителя кастильцев при Альжубарроте, штурмом овладели марокканским городом Сеутой. Радовалась католическая церковь — наконец-то после длительного перерыва возобновились крестовые походы, сулившие новую славу и богатство, ликовали фидалгу, оставшиеся не у дел после завершения реконкисты и надеявшиеся на продолжение войны с мусульманами, потирали руки купцы Лиссабона и Оporto, жаждавшие добраться до внутренних областей Африки, путь к которым преграждали арабы побережья.

Захват Сеуты открыл перед многими в Португалии дорогу к богатству, но лишь один человек тогда же, в день штурма города, понял, что Сеута открывает путь к будущему процветанию Португалии, если... если сделать верные выводы.

Инфант Энрики, названный историками принцем Генрихом Мореплавателем (хотя плавание к Сеуте было его первым и последним путешествием), в день взятия Сеуты занимался странными и непонятными для окружающих делами: вежливо и обходительно расспрашивал пленных купцов о странах, лежащих за пустыней, о их богатствах, характере жителей.

Энрики вернулся из Сеуты одержимый идеей поисков южных путей к таинственному африканскому материка. Он отказался от заманчивых предложений множества европейских дворов, от военной карьеры, чтобы посвятить свою жизнь этой задаче.

В юго-западной части страны, на морском берегу, инфант построил город Вилла-ду-Инфанти, в котором провел всю жизнь. Здесь строились корабли, вычерчивались новые карты, собирались сведения о заморских странах.

Щедрый Энрики, к чьим услугам была казна ордена Христа, великим магистром которого он был, приглашал к себе кораблестроителей, картографов, моряков, лоцманов со всей Европы, не считаясь даже с религиозной принадлежностью приглашенных. При жизни Энрики с верфей Сагриша сошла первая каравелла — трехмачтовое судно, отлично маневрирующее, с острыми обводами корпуса и треугольными парусами.

Хотя учителями мореходного дела и кораблестроения в Европе португальцы стали позже, во второй половине XV века, начало этому было положено именно в годы деятельности инфанта Энрики.

Год 1416. Снаряжается первая разведывательная экспедиция за Канарские острова, достигшая страны, на берегу которой «не было ничего, кроме песка».

Год 1434. Щитоносец инфанта Жил Эанниш огибает «страшный мыс Божадор».

Год 1436. Виночерпий инфанта Афонсу Балдая, следуя путем Эанниша, достигает бухты Рио-да-Оро, находящейся в 300 милях к югу от мыса Божадор.

Год 1441. Скромная экспедиция Нунью Триштана, дошедшая до мыса Кабу-Бранку, «вернулась с десятью чернокожими мужчинами и женщинами». Появление негров в Португалии резко изменило отношение к затеям инфанта Энрики. Дворяне и купцы наперебой принялись приобретать лицензии на

торговлю в Африке. Португалии, страдавшей от малолюдья, нужны были дешевые рабочие руки.

Год 1446. Позорный год в истории Португалии, позорный год в истории европейского колониализма. Лансароти, придворный инфанта, прибывает в приморский город Лагуш с 265 пленниками из Сенегала и на рынке Видерия устраивает первый торг живым двуногим товаром. Очевидец, португальский летописец Азурара, наблюдает жуткие сцены; «Одни, опустив голову, с мокрым от слез лицом, глядели друг на друга; другие очень жалобно стонали и, устремив свои взоры к небу, громко плакали, как бы прося помощи у отца природы... Начали отделять одного от другого, с тем чтобы разбить их на пять равных партий, и пришлось разлучать отцов с сыновьями, мужей с женами, братьев с братьями... И кто бы мог разделить их без великого труда? Ибо как только пленных ставили в какую-нибудь группу, дети, видя, что их отцы попали в другую, изо всех сил вырывались и бросались к ним; матери обхватывали руками своих детей, ложились с ними на землю и принимали удары, совсем не жалея своей плоти, лишь бы только не отпустить от себя детей».

Горожане и крестьяне окрестных деревень, пришедшие посмотреть на диковинных людей, выражали возмущение таким поведением приближенных принца. Не остался безучастным, видимо, и сам Азурара, ибо, вспоминая тот день, он позже напишет: «О небесный отец... Молю тебя, не дай моим слезам смутить мою совесть, ибо меня заставляет плакать из жалости к их страданиям не их религия, а их человеческая природа».

Год 1460. В монастыре Баталья, воздвигнутом на месте битвы у Альжубарроты, появилась еще одна гробница — скончался инфант Энрики. Мореплаватель Дуарти Пашеку Пирейра, современник первых походов в Индию, через пятьдесят лет после смерти принца так оценит его деятельность: «Все эти и другие славные дела... были совершены этим добродетельным принцем, не говоря о открытии Гвинеи вплоть до Сьерра-Леоне. Мы должны поэтому молить бога за его душу... Выгоды, проистекшие для Португалии, таковы, что король и народ весьма обязаны ему, ибо в открытой им стране находит себе пропитание значительная часть португальского народа, а португальские короли извлекают из торговли большие доходы... Впоследствии эта торговля давала ежегодно три с половиной тысячи и больше рабов, много слоновых бивней, золота, прекрасной хлопчатобумажной ткани и других товаров. Поэтому мы должны молить бога за душу принца Энрики, ибо открытие им этой страны привело к открытию Индии, торговля с которой приносит нам богатство».

Год 1471. Кормчие «уважаемого гражданина Лиссабона» Фернана Гомиша, получившего от короля в аренду монополию на торговлю с Гвинеей, достигают страны, названной Золотым Берегом, и обнаруживают там богатые россыпи золота.

Год 1482. Новый король Португалии — «благородный, весьма выдающийся и могущественный» Жуан II отправляет экспедицию «рыцаря своего двора» Диогу Кана. Диогу Кан первым из португальских мореплавателей начинает ставить в важнейших пунктах африканского побережья каменные падраны — столбы, на которых наносился герб Португалии, имена короля и открывателя, а также дата открытия. Ставит падран мореплаватель и в устье могучей Риу-ду-Падран, ставшей известной Европе позже под названием Конго.

Год 1488. Корабль Бартоломеу Диаша огибает мыс Доброй Надежды, но

команда, не выдержав трудностей пути, вынуждает капитана повернуть обратно. В декабре 1488 года, через шестнадцать месяцев и семнадцать дней со дня отплытия, открыв 373 мили побережья Африки, Бартоломеу Диаш бросает якорь в гавани Белей, близ Лиссабона, и, как позже напишет о нем один из португальских авторов XVI века, «можно сказать, что он видел Индию, но, как Моисей в обетованную землю, не вошел в нее».

В этом же году Жуан II поручил двум фidalгу — Перу ди Ковильяну и Афонсу ди Пайву — добраться до царства пресвитера Иоанна и разведать пути торговли пряностями. Летом 1488 года путешественники, добравшиеся к тому времени до Адена, расстались: ди Пайва направился в Эфиопию — землю Иоанна, а Ковильян на арабском судне поплыл в Индию.

Он вступил на индийскую землю в портовом городе Каннануре. Оттуда он отправился в Каликут, затем в Гоа. Всюду он наблюдал, расспрашивал, запоминал. Побывал Ковильян на обратном пути и в Ормузе, а также в восточноафриканском порту Софала.

Вернуться на родину Перу ди Ковильян не смог. В Каире его ждали посланцы Жуана с приказом не возвращаться, не выполнив поручения полностью. Поскольку от Пайвы известий не было, Ковильян отправился в Эфиопию, откуда не вернулся. Он достиг там высокого положения, разбогател, обзавелся семьей, на родину же эфиопский негус его так и не отпустил. Но перед отъездом в Эфиопию Ковильян передал посланцам Жуана письмо, в котором сообщал о городах западного побережья Индии и Восточной Африки, о торговых путях и товарах Востока.

Семена, посеянные инфантом Энрики, дали свои всходы. От первых робких плаваний вдоль берегов Западной Африки до открытия морского пути в Индию вокруг мыса Доброй Надежды — таков итог 85-летней морской экспансии Португалии, к которой с середины XV века присоединяется Испания. Уже в 50-е годы XV века обостряется португальско-кастильская борьба на путях в Гвинею, а в 1492 году Христофор Колумб во главе испанской флотилии открывает Америку.

Разгоревшееся соперничество между двумя любимыми дочерьми католической церкви умиротворяется буллами папы Александра VI и Тордесильясским трактатом 1494 года. Окончательная линия, разграничивавшая испанские и португальские реальные и предполагаемые владения, прошла по Атлантическому океану с севера на юг, примерно в двух тысячах километров к западу от островов Зеленого Мыса. После путешествия Магеллана была установлена линия раздела и в Тихом океане, проходившая в 17° восточнее Молуккских островов.

В результате страны Азии и Африки и Бразилия попали в португальскую сферу, тогда как Испании достался американский континент и острова Тихого океана. Правда, имелось и исключение: Филиппины были захвачены Испанией.

Так было положено начало эре колониальных захватов.

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ,

Где речь пойдет о гороскопе короля Мануэле, о бедном госте саморина, о рассердившемся Педру Кабрале, о миланских оружейниках и о том, как хитроумный Лодовико ди Вартема оказался плохим врачом, но ловким

шпионом

В Каликуте каждый корабль, откуда бы он ни пришел и куда бы он ни направлялся, равноправен с другими кораблями... Безопасность и правосудие настолько сильны там, что купцы не боятся за свои товары и даже самые богатые из них без страха там останавливаются
Абд ар-Раззак, 1442 год

Абрахам Закут, математик и астролог, изучив гороскоп португальского короля Мануэла, заявил, что царствование монарха благоприятно для открытия морского пути в Индию. Это было в 1495 году.

Закут почти ничем не рисковал, сделав такое предсказание. Не надо было советоваться со звездами, чтобы догадаться — не сегодня-завтра португальские корабли обогнут Африку, до южной оконечности которой уже добрался семь лет назад Бартоломеу Диаш, и бросят якорь у индийских берегов.

Историки запомнили предсказание астролога, потому что оно пришлось по вкусу королю Португалии. Ну а если бы Закут объявил, что звезды не благоприятствуют плаваниям, неужели бы прекратилась постройка трех специально сконструированных для дальнего путешествия кораблей, которую начал еще предшественник Мануэла? Вряд ли. Вернее, Закут лишился бы монаршего расположения, а может быть, и головы. И когда 25 марта 1497 года три корабля и один транспорт под командованием Васко да Гамы покинули порт Белен, только самые заядлые скептики не верили, что им удастся пройти дальше Диаша. 20 мая 1498 года португальские моряки увидели на горизонте голубые очертания гор — это была Индия, ворота к Дальнему Востоку, к пряностям, к богатству португальской короны.

Васко да Гама причалил к Каликуту, столице южноиндийского княжества, одного из основных центров азиатской торговли. Даже через сто лет непрерывных войн с португальцами, когда благополучие и богатство города были сильно подорваны европейским разбоем, французский путешественник Пирар де Лаваль писал о Каликуте: «Это самый большой из торговых городов Индии. В нем есть купцы со всех концов земли, всех наций и вероисповеданий, которые собираются сюда, потому что здесь они пользуются свободой и безопасностью. Здешний король разрешает исповедовать любую религию, но в то же время строго запрещено говорить о религии, спорить или ссориться по религиозным вопросам... и это установление поддерживается самим саморином, который этим добился того, что многие гости приезжают и Каликут».

В каликутском порту было множество складов, куда сгружались товары с кораблей, и за небольшую плату воины саморина охраняли эти грузы. Иностранцы пользовались в Каликуте теми же правами, что и местные жители, и могли соблюдать обычаи, принятые в их странах. Единственное, что было запрещено — убивать коров и есть их мясо.

И вот в этот богатый, цветущий порт, перевалочный пункт на пути из Китая, Явы, Суматры и Сиам в Египет, Аравию и Малую Азию, ворвалась португальская эскадра.

Появление Васко да Гамы, хотя и встревожило мусульманских купцов, монополистов в торговле с Европой, не вызвало особых подозрений у саморина Ка-ликута. Индийцы скорее даже рады были появлению португальцев, так как полагали, что из торговой конкуренции португальцев с арабами они смогут извлечь дополнительные выгоды. Ведь основными источниками доходов Каликута были таможенные сборы и комиссионные за перепродажу товаров.

Саморин разрешил португальцам поместить их товары в государственный склад и начать торговлю. Арабские купцы старались отговорить саморина от дружбы с португальцами, но тот не захотел прислушаться к ним, полагая, что это всего лишь раздраженность торговых конкурентов. И даже принял Васко да Гаму у себя во дворце и так принял, что адмирал сказал, возвратившись на корабль: «В Португалии и представить себе не могут, как нас здесь чествуют». Правда, подарки Васко да Гамы оказались бедными саморину, который выдывал куда более роскошные подношения.

Португальцы отдыхали после долгого путешествия. Они ходили в гости к новым знакомым и приторговывали на берегу так же спокойно, как если бы это было в Лиссабоне. Рыбаки и торговцы, а то и просто любопытные подъезжали на лодках к кораблям, продавали птицу, сладости, рыбу, кокосовые орехи, часто взбирались на борт, чтобы поглазеть на корабль.

Так продолжалось до 10 августа, до дня, который можно считать началом вражды Португалии с государствами Южной и Юго-Восточной Азии.

В тот день Васко да Гама обнаружил, что не сможет наполнить трюмы своих кораблей. Товары, которые он привез, не пользовались особым спросом, а золота для закупок у португальцев было мало.

Тогда Васко да Гама написал саморину письмо, в котором потребовал, чтобы тот дал ему пряностей за-ймообразно. Требование было невежливым, и саморин счел себя оскорбленным. На следующий день к португальскому адмиралу явился чиновник с требованием уплатить задолженность по таможенным сборам. Вместо уплаты Васко да Гама арестовал чиновника и всех попавших под руку индийцев. В ответ на это саморин арестовал португальского фактора и его помощника.

Правда, через некоторое время саморин освободил пленных португальцев. Но Васко да Гама заложников не отпустил и, пылая гневом, покинул Каликут.

Васко да Гаме удалось все-таки загрузить свои суда. Он воспользовался враждой между правителями южноиндийских государств и получил товары в Каннануре.

Когда же он вернулся на родину, в Португалии его встретили как героя — еще бы, доходы, полученные от путешествия, в шестьдесят раз превысили расходы на него! И путь в Индию был отныне известен. Король Португалии обрел новый титул — «Господин завоевания, навигации и коммерции Эфиопии, Аравии и Индии».

Следующей экспедицией в Индию командовал Педру Алвариш Кабрал. Король приказал ему подписать договор о торговле с саморином Каликута. Кабрал шел на 13 кораблях, на борту которых было 1200 солдат и матросов, а также 8 монахов-францисканцев и 13 (по числу кораблей) капелланов.

В Каликуте история повторилась. Снова португальцам разрешено торговать; снова недовольны арабские купцы, так как португальцы удачно играют на конкуренции между ними и местными торговцами, чтобы получить хоть что-нибудь в обмен на свои неказистые товары; снова португальский адмирал недоволен тем, как идет торговля...

Кабрал, следуя примеру Васко да Гамы, потребовал от саморина, чтобы тот обеспечил доставку товаров на корабли. Саморин был разгневан. Еще никто не осмеливался требовать у него подобного. Если Васко да Гама по крайней мере просил товаров взаймы, то Кабрал даже не упомянул об этом. Не успел

саморин оправиться от этой новости, как его настигла другая беда. Кабрал, отчаявшись добиться успеха мирным путем, напал на арабский корабль прямо в бухте Каликута и ограбил его.

Арабские купцы, узнав об этом, бросились громить склады с португальским добром. В завязавшейся схватке погибла большая часть служащих фактории, и только несколькими удалось спрятаться у индийцев.

Кабрал потребовал у саморина возмещения ущерба. Естественно, что никакого возмещения он не получил. Тогда он решил сам вершить суд и расправу. Он захватил десяток каликутских судов, ограбил и сжег стоявшие рядом арабские суда и начал бомбардировку города. Два дня португальцы методично громили из пушек улицы и дворцы Каликута. Было убито более шестисот человек. После этого Кабрал покинул Каликут и отплыл в Кочин, столицу соперника каликутского саморина.

Однако не успел Кабрал загрузить свои корабли в Кочине, как пришли известия — к Кочину приближается большой флот из Каликута. Саморин не собирался прощать португальцам разбой в своем городе. Раджа Кочина немедленно прислал к Кабралу гонца с предложением объединить флоты и совместно отразить нападение саморина Каликута. Раджу менее всего беспокоили судьбы Индии. Просто он считал, что представляется неплохой случай свести старые счеты с Каликутом и ослабить мощь своего соперника.

Всю ночь в гавани Кочина горели факелы на судах, в свете их поблескивали пики кочинских солдат, и многочисленные галеры и патамары выстраивались в походный порядок...

Раджа не получил ответа от португальского адмирала. Утром жители Кочина увидели, как, подняв паруса, португальские корабли уходят в океан. Кабрал так спешил, что даже не успел отвезти на берег кочинских заложников и сообщить радже о своем поспешном отъезде. А вернее, не захотел сделать ни того, ни другого.

Португальские историки и по сей день уверяют, что «победу над каликутским флотом вырвал из рук Кабрала неожиданный шторм, который унес корабли в море». Это был странный шторм, который не тронул ни одного кочинского корабля, даже самой маленькой лодки, а аккуратно выбрал из массы судов в порту португальские каравеллы и занес их далеко, к самой Португалии.

Итак, мы узнаем, что с самого начала португальцам случалось отступать. Отступать перед ненавистным им саморином. Но если появлялась возможность, то они не останавливались ни перед чем...

В 1502 году очередным португальским флотом вновь командовал дом Васко да Гама. Теперь в составе его флота было уже двадцать больших кораблей. Но поход отличался от прежних путешествий тем, что да Гама должен был отправить шесть каравелл обратно, а четырнадцать оставить у берегов Индии, дабы пресечь арабскую торговлю в Индийском океане.

На этот раз путешествие не имело ровным счетом никакого отношения к географическим открытиям, и историки не уделяют ему особого внимания в своих трудах. Нам же оно вдвойне интересно, потому что именно в этот момент борьба португальцев за рынки пряностей вступает в новую фазу, и великий мореплаватель Васко да Гама предстает перед нами в новом свете.

Сначала он постарался обеспечить подходы к Индии. Другими словами, предал огню и мечу города Восточной Африки, уничтожая их или подчиняя, чтобы быть уверенным за «тылы».

В первом же индийском городе Васко да Гама вводит «пропуска». Отныне ни один корабль, какой бы то ни было национальности, не имеет права выйти в море, если владелец его не получил от коменданта ближайшей португальской крепости пропуска, удостоверяющего, что он уплатил португальцам дань. Если забежать вперед, то можно сказать, что никакой пропуск не гарантировал от грабежа. Португальские капитаны редко обращали внимание на эти пропуска, а порой и сами коменданты писали в них: «Груз корабля стоит того, чтобы его потрясти». Не знающий португальского языка капитан спокойно предъявлял пропуск и немедленно лишался груза, а то и жизни.

Но вернемся к мореплавателю Васко да Гаме.

В один прекрасный день португальцы увидели большой каликутский корабль, переполненный паломниками, которые возвращались из Мекки. Четыреста паломников, включая женщин и детей, несколько человек команды и ни одной пушки на борту — чем не завидная добыча? Тем более, если нужно отомстить саморину Каликута за то, что тот посмел напугать адмирала Кабрала.

Васко да Гама приказал взять и разграбить корабль.

Увидев взбравшихся на борт, паломники предлагали португальским солдатам все, что у них было, лишь бы спасти жизнь. Но португальцы уже сгоняли пассажиров на корму. Тогда бывший на борту посол Египта, направлявшийся в Каликут, обратился к самому адмиралу и сказал:

— Вы, господин, ничего не добьетесь, убив нас. Если вам нужны деньги, то закупите нас в цепи, отвезите в Каликут, и я обещаю вам, что ваш корабль нагрузят Пряностями бесплатно. Поймите, мы не сопротивляемся вам, мы не воюем с вами.

Васко да Гама отвернулся. Зачем возиться с пленниками, когда силы его так нелики, что он и без этого получит пряностей сколько захочет? Он приказал отнять оружие у пассажиров корабля. Потом переправить на португальские корабли все грузы и вещи, найденные на борту.

Пассажиров и команду каликутского корабля загнали в трюм и задраили люкн. Затем португальцы подожгли корабль и покинули его.

Португальский флот все это время оставался рядом. Васко да Гама, по словам летописца, не отрываясь смотрел, как огонь охватывал индийский корабль. Он хотел быть уверенным, что ни один человек не спасется.

Но вдруг один из люков открылся. Выскочившие оттуда люди распахнули и другие люки, бросились тушить пожар. Адмирал приказал спустить шлюпки и снова поджечь корабль. Но на этот раз его пассажиры, возглавленные египетским послом, решили дорого продать жизнь. Несколько раз пытались португальцы взобраться на палубу корабля, и каждый раз их отбрасывали назад. Адмирал приказал прекратить штурм. Четыреста человек, ожесточенные угрозой неизбежной смерти, живыми не сдадутся.

И эскадра начала обстрел в упор каликутского корабля. Восемь дней продолжалась бомбардировка. Несколько раз индийцам удавалось поставить паруса, и каждый раз их разрывали ядра. Люди своим телом закрывали пробоины, и изрешеченный, обуглившийся корабль продолжал сопротивляться.

Адмирал дом Васко да Гама отличался завидным упорством. Он добился своего. На восьмой день корабль загорелся вновь и пошел ко дну. Ни один человек с него не спасся. Добыча португальцев, как говорят летописцы, составила 22 тысячи дукатов.

Подойдя к Каликуту, Васко да Гама потребовал, чтобы саморин изгнал из города всех мусульман. Когда Саморин отказался подчиниться, Васко да Гама начал Многодневную бомбардировку города. У саморина было всего несколько пушек, которые стреляли на расстояние втрое меньшее. Маленькие ядра их не долетали до португальцев.

В то время, когда португальская эскадра стояла у берегов Каликута, в бухту спокойно вошли двадцать четыре груженных рисом каликутских корабля. Португальцы немедленно захватили их. На борту кораблей было восемьсот человек. Васко да Гама приказал всем восьмистам отрезать руки, носы и уши. Та же участь постигла и приехавшего с берега брахмана — посла каликутского саморина. Затем адмирал приказал всех связать. А чтобы они зубами не разгрызли веревки, он велел выбить морякам зубы. После этого португальцы подожгли корабли. Посла же каликутского с отрезанными ушами и носом вернули саморину с письмом адмирала: «Попробуй жаркое, которое мы тебе приготовили...».

Но саморин не сдался. Васко да Гама зря старался его запугать. И когда Васко да Гама, так и не захватив Каликута, направился в Кочин, саморин собрал флот и одновременно послал уважаемых брахманов к кочинскому радже, чтобы те рассказали ему о преступлениях португальцев.

Однако португальцы перехватили послов, привязали к мачтам и прижигали раскаленными шомполами, пока те не признали себя шпионами. Тогда по приказу адмирала послам отрезали губы и уши, пришили собачьи и в таком виде отправили обратно в Каликут. Подоспевший флот саморина был разгромлен. Опять дело решили пушки. Португальцы подпускали близко каликутские суда и спокойно расстреливали их. В ближнем бою они пользовались мушкетами, а стрелы индийцев были бессильны против португальских лат.

Тогда саморин собрал армию и бросил ее на штурм Кочмна. В одном из боев на сторону саморина перешли два миланца. Они служили на португальских кораблях артиллеристами. Мы не знаем, что заставило их перейти на сторону индийцев. Может быть, они не одобряли зверств португальцев, может быть, просто надеялись обогатиться на службе у саморина. Но в любом случае для саморина появление миланцев было даром судьбы. Ибо они знали, как лить пушки.

Миланцы немедленно отправились в Каликут, а война с Кочином продолжалась. И в этот момент у берегов Индии появился новый португальский флот под командованием одного из главных героев нашего повествования — Афонсу д'Албукерки.

Сохранившиеся документы не дают возможности толком разобраться, чем же окончилась война саморина с кочинским раджей и поддерживавшими его португальцами. Известно только, что в 1504 году д'Албукерки прибыл в Каликут, чтобы заключить мирный договор между Кочином и Каликутом. Договор был невыгодным для саморина. Очевидно, появление португальцев все-таки склонило чашу весов в пользу Кочина.

Из всех пунктов договора саморин отказался выполнить один и стоял на своем так твердо, что португальцы вынуждены были пойти на попятный: он отказался выдать миланских пушкарей. Саморин готовил артиллерию. Он знал, что рано или поздно придется снова воевать с португальцами. И в этой войне ему не обойтись без артиллерии, которая могла бы соперничать с порту-